

*Легко, просто, правдиво, без нытья — и это
о войне. Поразительно...*

Андрей КРАСОВ,
Герой России, гвардии полковник ВДВ,
депутат Государственной думы

Александр ТАМОНИКОВ

СУММАРНЫЙ ТИРАЖ — СВЫШЕ 9 000 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ЧТО ВЫ ЗНАЕТЕ О НАСТОЯЩЕЙ ДРУЖБЕ
И ПРЕДАННОСТИ?

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ОДНО СЕРДЦЕ НА ДВОНХ

Александр Тамоников
Одно сердце на двоих

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Одно сердце на двоих / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-99638-4

После тяжелой и опасной командировки старший лейтенант группы гуманитарного разминирования МЧС Вадим Галдин едет в деревню навестить своего боевого товарища. И приходит в ужас от того, что видит: друг стал инвалидом и спивается от отчаяния, что не может противостоять местному воротиле Сухобокову, похитившему его сестру Елену. Галдин решает освободить пленницу. Но Сухобоков – серьезный противник. У него есть деньги и связи, за ним – мощная криминальная структура. А у старлея – лишь крепкие кулаки и воля. И еще его верный пес Султан...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99638-4

© Тамоников А. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Тамоников

Одно сердце на двоих

© Тамоников А.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

*Все, изложенное в книге, является плодом авторского
воображения. Все совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

Глава 1

Спецборт из Сирии прибыл на военный аэродром, расположенный недалеко от столицы, в понедельник, 10 октября, в 17.20 по московскому времени. Он, как и всегда, был заполнен различным грузом и военным народом. На Родину вернулся и отряд Центра гуманитарного разминирования и специальных взрывных работ МЧС во главе с полковником Сердановым.

«Ил-76» опустился на бетонку, пробежал чуть более километра, затормозил и начал выруливать к пункту управления полетами. У вышки он встал, открылась рампа. Началась разгрузка техники.

Последними из самолета вышли саперы вместе со своими служебными собаками.

Чуть в стороне, у черного служебного «БМВ» их ждал генерал-майор Адаксин. К нему и направился полковник Серданов.

– Товарищ генерал-майор... – начал он было доклад, но Адаксин прервал его:

– Брось, Леонид Андреевич, давай без официоза. Лучше скажи, сложной выдалась командировка?

– Больше нервной. Хотя ребята особо не напрягались.

– Зато здесь, в Москве, сильно напрягались важные персоны, сидящие во всех инстанциях, вплоть до самого верха. Шутка ли сказать, найти и обезвредить целый арсенал оружия и боеприпасов, в том числе химических.

– Но справились же. Хотя нам, как это иногда бывает, помог случай. Парни капитана Валиева завалили группу террористов, высланную майором Адамсоном на прорыв из Эль-Нугура. Они засекли разведку наемников и определили местонахождение базы этого сброда. Иначе неизвестно, чем закончилась бы командировка. Впрочем, мы справились бы и в этом случае. Вопрос в том, какой ценой.

Генерал кивнул.

– Вот именно, Леонид Андреевич. Какой ценой. Ладно, хорошо то, что хорошо кончается. Я объявил всем твоим благодарность. В министерстве посчитали, что надо представить личный состав отряда к правительственным наградам. Тебя – к ордену Мужества. Ну а со своими парнями решай сам.

– Сделаем. Ведь время терпит, да?

Адаксин улыбнулся и подтвердил:

– Терпит, конечно. Награждение – это же не срочная командировка. Всем твоим – отдых. Из Центра гуманитарного разминирования ООН сообщили, что лицензию и первый транш с заданием ждать еще примерно месяц. Так что парни могут отдохнуть.

– Вот это хорошо. У меня уже Галдин просится в отпуск. Да и остальные тоже изрядно устали. Ребята терпят, не подают рапорты, но понятно, что им нужен отдых. Причем не в Москве.

Адаксин посмотрел на Серданова и заявил:

– Ты ведь знаешь, что как минимум два твоих специалиста всегда должны быть у нас под рукой.

– Насколько мне известно, капитан Холин и старший лейтенант Липин никуда не собираются.

– Вот и отлично. Остальным разрешаю покинуть столицу, но с обязательным условием постоянно быть на связи и в готовности в течение трех суток прибыть на базу.

– Понятно. Значит, я собираю рапорты?

– Собирай, ходатайствуй и ко мне на стол. Я подпишу, дам указания строевикам и финансистам, чтобы оформили отпуска быстро.

– Вот за это спасибо.

– Это тебе и отряду спасибо. Ладно, твои парни построились. Пойдем, я поприветствую их. Да, а что Адамсон, Рамни и Келли?

– Сидят в наручниках на борту.

– Кто их охраняет?

– Попросили бортового техника приглядеть. Да куда они денутся?

– Злые, наверное?

– Я бы сказал, подавленные.

– Минуту. – Адаксин подал сигнал водителю одного из двух микроавтобусов, стоявших недалеко от «БМВ».

Серданов не обратил на них внимания. У самолета собралось довольно много самых разных машин.

Из черного «Рено» с тонированными стеклами вышел капитан в повседневной форме, подбежал к Адаксину.

– Товарищ генерал-майор!..

– Отставить! Володя, на борту наемники. Давай команду своим ребятам вытащить их из самолета и следуй с ними на Лубянку. Там передашь эту мразь дежурному или тому офицеру, которого он вызовет. Обязательно возьми расписку в получении.

Капитан улыбнулся.

– Как почтальон, доставивший бандероль?

– Или развозчик пиццы. Работай!

– Есть, товарищ генерал.

Капитан отдал команду по портативной станции. Из микроавтобуса посыпались люди в полной боевой экипировке. Они направились к «Ил-76».

Генерал Адаксин и полковник Серданов подошли к отряду, выстроившемуся в одну шеренгу.

Капитан Холин доложил о выполнении задания.

Генерал пожал всем руки и объявил о решении представить весь личный состав отряда к правительственным наградам. Эта новость особого впечатления не произвела. Каждый из этих парней уже имел по несколько орденов и медалей.

Галдин двинулся было вперед, но Адаксин одернул его:

– Команды «разойдись» не было, товарищ старший лейтенант.

– Виноват, просьбу хотел изложить по случаю.

– Известна мне суть твоей просьбы. Полковник Серданов доложил. Ответ таков. Личному составу отряда предоставлен двухнедельный отпуск. Командир, помощник и старший лейтенант Липин проводят его в Москве, остальным разрешаю выезд. Условия доведет Серданов. Сегодня же составьте рапорта, завтра с утра оформитесь, получите денежное довольствие, отдельное вознаграждение за решение сложной задачи в Сирии, и вперед, как говорится, на мины.

Галдин довольно улыбнулся.

– Это другое дело.

Серданов осадил его:

– Разговоры в строю, старший лейтенант!

– Извините.

Старший лейтенант Галдин высадился из микроавтобуса в Кузьминках одним из первых.

Провожая друга, Снегирев похлопал его по плечу и заявил:

– Ты не зависни в баре своем. А то опять кому-нибудь морду набьешь, и закончится твой отпуск, не начавшись.

– Ты не забудь своей жене цветы купить, Сеня, а обо мне не беспокойся.

– Ладно, давай, звони.

– Завтра в центре встретимся. Помни, ты дома, здесь не война.

Галдин попрощался с офицерами, закинул сумку на плечо и встал в раздумье за остановкой. Он размышлял, как ему быть: сразу податься домой, разумеется, через магазин, или все же наведаться в бар «Весна»? Старая привычка взяла верх. Он выкурил сигарету и направился к бару.

Сейчас, в семь вечера, там было еще пусто. За ступенями и входом в гардеробном отсеке сидела незаменимая тетя Вера. Она связала здесь уже не одну сотню шерстяных носков для своих внуков и сейчас занималась тем же самым.

Галдин поздоровался с ней.

– Ой, Вадим, ты?

– Что, сильно изменился?

– А что это за форма на тебе?

– Моя собственная. Это форма МЧС.

– Впервые вижу тебя в ней. Она тебе идет.

– Военная форма идет любому мужчине. Я куртку и сумку оставляю?

– Да, конечно.

Галдин отдал сумку и камуфлированную куртку гардеробщице, потом спросил:

– Ну и как тут у вас? Безбашенная молодежь, вроде той, которую я разогнал в крайний заход, не балуется?

– Их больше никто и не видел. Были адвокаты, полиция. Они всех и обо всем расспрашивали. Ты уж на наших не серчай, Вадим. Давили так, что дать показания в твою защиту было просто невозможно. Да и протоколы были заранее написаны. Погоди, а как ты из этой беды вывернулся?

– У меня тоже крыша есть, тетя Вера, причем покруче, чем у тех отморожков. Ладно, пойду в зал.

– Говорю же, жениться тебе надо, Вадим. Разве это жизнь? Со службы в бар, оттуда в пустую квартиру. Вечером девки, утром похмелье.

– Я не болею.

– Ты все-таки нашел бы себе женщину. Намного было бы лучше.

– Может, официантку Надежду? – с улыбкой проговорил старший лейтенант.

– А что? Можно и ее. Хорошая девушка.

Галдин иронически хмыкнул.

– Девушка, говорите? Сомневаюсь.

– Да ну тебя. Делай что хочешь, только жалко мне тебя, Вадим. Парень ты хороший. Офицер, не вижу, кто по званию. Пропадешь ведь.

– Пропаду, найдут. Есть кому, да и нужен еще я вроде нашей многонациональной державе.

Тетя Вера махнула рукой.

– Иди уже! В баре спокойно. Пока.

– Я ненадолго.

– Дело твое, я тебе не советчица.

– Нет, советы вы добрые даете, правильно всегда говорите, вот только я трудный подросток, плохо воспринимаю воспитание.

– Иди отсюда, подросток, не отвлекай. Мне сегодня надо подследники среднему довязать, а то старые порвались.

– И как у вас терпения хватает? Это же с ума можно сойти!.. Ладно, удаляюсь.

Вадим миновал первый зал, предназначенный для тех посетителей, которые забежали сюда на минутку, чтобы поправить здоровье или пропустить соточку-другую после трудного рабочего дня, зашел во второй.

На этот раз барменом был Володя, парень постарше, да и покрепче Эдика. А в остальном все так же, как и всегда. За столиком девицы, только две, чернокожая сухощавая Куна и степенная Лора. Вики не видать. У стойки бара официантка Надежда. В кабинках две пары, одна за столом. Музыка, если так можно назвать то, что врубалось в этом заведении для танцев, пока молчала.

Девушки увидели Галдина и сразу как-то сникли.

Бармен, напротив, выразил радость:

– О, какие люди! В командировке, что ли, был, Вадим?

– Привет, Вова!

– А, извини, привет.

– В командировке, только что приехал и сразу к вам. Сделай-ка мне сто пятьдесят слезинки и бутерброды.

– Для разогрева?

– Видно будет.

Куна поднялась, подошла к Галдину и сказала:

– Вадим, ты зла на нас не держи, ладно?

– За что мне держать на вас зло?

– За то, что мы показания против тебя дали. Нас заставили. Я, честное слово...

Галдин остановил чернокожую девицу:

– Все, Куна. Я не в претензии, да и не было ничего.

– Ты знаешь, как менты нас прессовали тогда?

– Я сказал, Куна, ничего не было. Значит, нечего и обсуждать.

– Ты и правда не злишься на нас?

– Правда. А что Вику не видно? Выходной у нее, что ли?

Куна закатила глаза и заявила:

– Вика теперь на другом уровне. Здесь больше не работает. У нее место в отеле, в центре.

Пошла в гору.

– Выше залезет, большее будет падать.

– А ты чего о ней спросил? Мы с Лорой разве хуже?

– Ты посиди пока. Не мешай.

– Ладно, но если что, то я готова.

– Как будто другим откажешь.

– Не откажу, но ты вне конкурса.

– Ну, спасибо. Любимчик, значит?

– Считаю так!

Бармен налил сто пятьдесят граммов чистой охлажденной водки, положил на стойку два бутерброда с икрой.

Галдин выпил, закусил. У него тут же разыгрался аппетит.

– Что у вас на ужин? – спросил он Володю.

– Да меню не особо роскошное. Бифштекс остался, можно курицу-гриль организовать, рыба, по-моему, есть.

– Курицу, – решил Галдин. – К ней бутылку водки, стакан минералки, хлеба немного. Надо форму держать.

– Ладно, сейчас повару скажу, он еще на кухне.

Галдин прошел к своему излюбленному столику, откуда был виден весь второй, главный зал этого заведения. Посетители вели себя тихо. Разборок вроде бы пока не намечалось. Это радовало Вадима. Сегодня ему не хотелось острых ощущений данного плана.

Надежда принесла курицу, тарелку с хлебом, минералку, графин с водкой, рюмку, пепельницу.

– А что, Надюша, пока я отсутствовал, отменили закон о запрете курения в общественных местах?

– Нет. Но Володя сказал, что вам можно.

– Ты присядь.

– Зачем?

– Просто так. Если хочешь, конечно.

Молодая женщина опустилась на стул напротив старшего лейтенанта.

– Как дела? – наливая водку, спросил Галдин.

– Какие тут дела? Работа – каморка, каморка – работа.

– Я могу тебе помочь устроиться на приличное место, снять хату недорого.

– Ну да, и вся зарплата будет уходить на оплату этого жилья.

– Надюша, если я говорю, что работа приличная, то так оно и есть. Оплата хорошая, а квартира и в самом деле недорогая. На все хватит. Поступишь заочно в какой-нибудь университет или колледж, глядишь, и наладится жизнь.

– Спасибо, Вадим. Не надо.

– Почему? Или ты думаешь, что я это по пьянке предлагаю, а завтра забуду о своих словах?

– Нет, вы не забудете. Я не хочу.

– Но сама же говоришь, работа – каморка, каморка – работа. Неужели так лучше?

– Нет, я вообще больше не хочу оставаться в Москве. Месяц доработаю, получу расчет и поеду в деревню, домой. Нет мне места здесь. Да и не надо. Видала я эту Москву... сами знаете где.

– Дело, конечно, личное, но я бы на твоём месте не торопился.

Женщина внимательно посмотрела на него и вдруг спросила:

– А вы не хотите предложить мне стать вашей женой?

Галдин чуть не поперхнулся.

– Женой?

– Вот видите, не гожусь. Вика вон всем подходит. За ней перед уходом отсюда парнишка попытался ухаживать. Из хорошей семьи. Отец то ли доктор наук, то ли кандидат, клиником какой-то заведует, мать преподает. Квартира большая в центре, загородный дом. Ведь знал парень, чем она занимается, и все равно стал ухаживать.

– И что эта пиранья?

– Кто? – не поняла Надежда.

– Вика.

– Ничего, отшила его. Сказала, мол, хочешь стебаться, плати бабки. Любой каприз за ваши деньги. А хрень молоть нечего. Какое замужество? Послала она его.

– Ты бы, конечно, не послала?

– Конечно нет.

– Даже если не питала бы никаких чувств?

– У нас говорят, стерпится-слюбится. Я-то постаралась бы, но на меня этот мажор даже не взглянул.

– Нет, Надюша. Может, и стерпится, но не слобится.

– Лучше по любви, но в шалаше?

– Да, лучше в шалаше, но по любви.

- Вы не знаете, каково это – быть одной.
- Одной – не знаю. Но мне очень хорошо известно, каково быть одному. Значит, не нуждаешься в помощи?
- Я уже сказала вам, в чем нуждаюсь.
- Галдин пропустил еще рюмку и заявил:
- Ну а в том плане, чтобы замуж, на меня рассчитывать нечего.
- Это я уже поняла.
- Ты не горячись, подумай. Я на две недели, может, меньше, собираюсь в соседнюю область. Отпуск у меня. Приеду, скажешь, готова ли начать новую жизнь. Если решишься, помогу реально.
- Не о чем тут думать. Вы кушайте, Вадим, а то остынет курица, невкусно будет, – сказала Надежда, поднялась и ушла к стойке.
- «Жаль. Тут она могла бы обустроить жизнь, а что в деревне? Хотя кто знает. Может, ей так действительно будет лучше?» – подумал Галдин.
- Он добил водку, съел курицу, запил минералкой.
- Бармен от стойки спросил:
- Кофе сделать, Вадим?
- Нет! Этого поила у меня дома валом. Посчитай там, сколько с меня.
- Да все уже посчитано. Тысяча восемьсот.
- Еще пузырь с собой и пару пачек сигарет.
- Это проще в магазине купить. Там в разы дешевле.
- Ты мои деньги не считай. Не по кайфу мне по магазинам шастать. Устал я сегодня.
- Ладно, как скажешь. Мне же лучше, все выручка.
- Ну да, конечно. Водку и сигареты, наверное, свои продаешь?
- Бармен улыбнулся и осведомился:
- А тебе есть разница?
- Никакой. – Галдин подошел к стойке, выложил три тысячи. – Пакет найдешь?
- Для своих найдем все!
- Давай.
- А как насчет массажа, Вадим? – спросила Куна.
- Не сегодня. Сказал же, устал.
- Барышня надула губы.
- Куда ты лезешь, Куна?.. Вадиму Вику подавай. Вот только облом с ней вышел, – проговорила Лора.
- Ну почему же облом? – прикуривая сигарету, проговорил Галдин. – У меня есть телефон Вики. Позвоню, приедет.
- Ага, уже понеслась из отеля, где за ночь двадцать штук берет. Все бросит – и к тебе!
- Да, ко мне. А знаешь, Лора, почему?
- Почему?
- Потому, что я волшебное слово знаю. Для Вики.
- Ты насчет двойной платы, так?
- Старший лейтенант усмехнулся.
- И все-то мы понимаем.
- Что тут понимать? В этой жизни главное одно – деньги.
- Ты не права. Ладно, девочки, до свидания. Удачного вам лова.
- Спасибо, – ответила Куна.
- Лора отвернулась, не сказав ни слова.
- Пока. Вова, ты поответственной тут.
- Да уж как-нибудь.

- Аккуратней со своим товаром.
- Ты о себе думай.
- Верное замечание. Приятно было вновь увидеть всех вас. Пока!
- До свидания. Заходи.
- Обязательно. Куда ж я без вас. – Вадим забрал пакет, прошел в гардеробную.

Тетя Вера оторвалась от своего обычного занятия, взглянула поверх очков на старшего лейтенанта и спросила:

- Все, уже уходишь?
- Выпили, закусили, теперь душ и постель.
- Жалеешь, что Вика ушла?
- Нет. Одна Вика ушла, две придут.
- Это точно. Совсем девки одурели. Работать как люди не хотят, им легких денег подавай.

И как так можно? Спать с разными мужчинами?

– Эх, тетя Вера, не такие уж легкие у них деньги. Хорошо оплачиваемую работу найти не просто.

- Стыда у них нет, вот что я скажу.
- Здесь согласен. Стыд и совесть нынче не в почете. У штатских.
- А у вас, военных, в почете?

Галдин ответил совершенно серьезно:

- У нас в почете не только это, но еще и офицерская честь.
- Хорошо, что хоть у вас как прежде. – Она подала ему сумку и куртку, указала на пакет

и спросила: – А это лекарство от одиночества?

- Только не говорите мне больше о Надежде, тетя Вера.
- Хорошо. У меня соседка есть, очень даже порядочная и совершенно одинокая женщина.

– А чего она одна?

– Так сложилось в жизни. Могу познакомить.

– Не надо.

– Хорошая женщина.

– Я как-нибудь сам. Большой привет всем вашим внукам. Пусть бережнее носят носки, пожалеют труд бабушки.

– А вот с этим мы сами разберемся.

– Ладно. До свидания, тетя Вера.

– До свидания, Вадим.

Галдин надел куртку, взвалил на плечо десантную сумку, вышел из бара, по привычке осмотрелся.

«Теперь домой, – подумал он. – Хотя в магазин все равно заходить придется. В холодильнике у меня шаром покати. Да и для поездки к другу затариться надо. Не за его же счет жить. Получается, что прав был бармен. Незачем было втридорога покупать водку и сигареты. Но что сделано, то сделано. Деньги у меня есть. На карточке тысяч сто. Этого за глаза хватит. А завтра я еще сотни три получу. Черт возьми! Серданов же сказал, что рапорт надо составить. Я забыл напрочь. С другой стороны, где составлять-то было? В автобусе? Ладно, с утра все решим, и рапорт, и довольствие, и отпускные. А сейчас в супермаркет. Хорошо, что он практически рядом с моей хрущевкой».

Утро было тяжелым, но лишь до тех пор, пока Галдин не выпил банку пива, не побрился и не принял душ. Легкий завтрак окончательно привел его в порядок.

Когда он мыл тарелку, сотовый телефон пропищал сигналом вызова.

– Да, – ответил Вадим.

Он всегда носил телефон с собой, даже в туалет и в ванную брал. Привычка, выработанная за годы службы.

– Привет, Вадим! – услышал Галдин голос старшего лейтенанта Снегирева.

– Привет, Сеня!

– Как вечер, ночь?

– Как всегда.

– С искрометной и ненасытной Викой?

– Не поверишь, нет.

– Неужели со скромницей официанткой?

– Да зря ты гадаешь. Я один был.

– Один? – искренне удивился друг.

– Представь себе.

– На тебя это не похоже.

– А ты звонишь, чтобы узнать, с кем и как я провел ночь?

– Нет, не только это. Ты вчера рапорт об отпуске написал?

– Ты как будто не знаешь. Где и когда я его написал бы?

– Это сделал за тебя я. Извини, что сразу не сказал. Мы тормознули у Третьего кольца, там все и составили рапорта. Я за тебя написал.

– Спасибо!

– Спасибо, Вадим, на хлеб, как знаешь, не намажешь.

– Так какие проблемы? Пузырь с меня.

– Сейчас надо ехать в центр. Я уже на пути к тебе. Так что минут через двадцать выходи, чтобы мне не заезжать во двор, не тыкаться между машинами. Я буду за остановкой.

– Договорились.

– До встречи.

– Давай!

Галдин отключил телефон и переоделся в повседневную форму ради поездки в центр. Заодно он выложил на диван гражданку – пару джинсов, рубашки, носки, майки, свитер, легкий джемпер, кожаную куртку. Наградной пистолет Вадим доставать из сейфа не стал, решил, что тот ему не понадобится.

Потом он посмотрел на часы. Да, пора позвонить Вячеславу Дуневичу, обрадовать старого друга сообщением о приезде. Галдин включил телефон, нашел в памяти нужный номер, нажал на кнопку вызова. Послышались длинные гудки.

Примерно через полминуты он услышал недружелюбное:

– Да?

– Привет, Славик!

– А ты кто такой?

– Не узнал. Вадим Галдин.

Старший лейтенант ждал, что друг обрадуется, как и всегда, но тот неожиданно грубо ответил:

– И чего тебе надо, Галдин?

Вадим оторопел.

– Ты, Славик, перебрал с утра, что ли? Я это, Галдин Вадим.

– Понял и спрашиваю, что тебе надо.

– Да вот собрался к тебе в гости, отдохнуть, порыбачить. Отпуск у меня две недели.

– Так езжай отдыхать в Сочи или в Крым. А у меня тебе делать нечего.

– Ты, Слава, охренел?

– Считай, что так. Все, не до пустых базаров мне. Счастливого отдыха, Галдин, – проговорил Дуневич и отключил трубку.

Галдин еще с минуту непонимающе смотрел на свой аппарат.

«Он-то понял, а я вот ни черта не сообразил, – раздумывал Вадим. – Чтобы Славик отказался от встречи с другом? Такого никогда не было. Напротив, он и сестра, да и вообще все Дуневичи, пока отец жив был, постоянно приглашали меня. Особенно Елена, смешливая, симпатичная, похожая на куклу. А тут нате вам! Мол, у меня тебе делать нечего.

Эти грубые слова были сказаны неспроста. В Чернухе произошло что-то серьезное. Славик в нормальном состоянии не мог так вот ответить мне.

Это значит, что у него возникли проблемы, а говорить о них он не желает. Бывают случаи, когда человек и хочет получить помощь, а попросить о ней не может. Славик же гордый.

Вот только что произошло с этим офицером запаса? Ладно, узнаем. Я все выясню».

Галдин вышел из дома, прошагал к остановке. За ней уже стояла машина Снегирева.

Вадим сел на место переднего пассажира.

– Еще раз привет, Сеня!

– Здорово.

– Быстро ты добрался.

– Пробок почти не было. Медленно, но все-таки ехал.

– А ты чего только меня решил подобрать?

Выводя машину в транспортный поток, Снегирев ответил:

– Кому звонил, те отказались, говорили, своим ходом доберутся. Машина-то у каждого есть.

– Да, сейчас это не проблема. При нашей зарплате за год вполне можно обзавестись своим авто.

– Что-то ты только не обзавелся.

– Придется. Надо к старому другу ехать, в глухую деревню.

– Чего решил взять?

– На что денег хватит. Пожалуй, «Ниссан Альмеру».

– Нормальная, кстати, машина, только бери с кондером.

– Само собой. Вы с Людмилой как решили отпуск провести?

– На даче.

– А чего не в пансионате?

– Ну его на хрен, этот пансионат. Хоть немного от команд и распорядка дня отдохну.

– Это правильно. А я вот собрался Султана с собой взять.

Снегирев посмотрел на друга и спросил:

– Отдадут, думаешь?

– А чего его держать? Ему уже десятый год. Он восемь лет от всей своей собачьей души отпахал. Все одно по весне отправится на заслуженный отдых, в вольер.

– Или продадут кому-нибудь.

– Считай, уже продали. Мне.

– Ну, если так, то, пожалуй, отдадут.

– Куда они денутся, Сеня? А Султан пусть перед пенсией свежим воздухом подышит, вдоволь побегает по лугам без всяких поводков и команд. А у тебя дача, по-моему, в сторону Переславля?

Снегирев кивнул:

– Да, сорок километров по трассе «Урал» и десять в сторону.

– Хороший дом?

– Обычный, деревенский. Без газа, но с настоящей русской печкой. Баня еще в середине прошлого столетия построена, разогревается в момент и жар долго держит. Два сада – старый и молодой. Яблоки, груши, вишня. До черта, короче всего. Но это добро уже сошло. Просто так с женой отдохнем. По лесу гулять будем. Я порыбачу в пруду. Там, в отличие от Москвы-реки, мутанты еще не завелись. Обычные, нормальные караси, не сказать, чтобы крупные, чуть больше ладони, но я таких и люблю. Обжарить их в масле. Они хрустят, как сухари.

– У меня сейчас слюнки потекут.

– А ты с другом приезжай. Я адрес дам.

– Позвоню, если что.

– Можно и так.

В центр разминирования приятели прибыли в 10.58. Остальные офицеры отряда были уже там, сустились на первом этаже, метались от строевой части к финансовой и обратно. Начфин оставался верен себе, обязательно находил какие-то ошибки в бумагах. Впрочем, к данному моменту ему это уже надоело. Поэтому Снегирев с Галдиным оформились довольно быстро, получили по четыреста двадцать тысяч рублей.

Но уезжать Вадим не мог, пока не решил вопрос с Султаном. Для этого он должен был переговорить с Сердановым. Хорошо, что тот не уехал в министерство.

Командир отряда гуманитарного разминирования выслушал Галдина и неожиданно легко согласился:

– Хорошо. Хоть и не вышел срок службы пса, но он тоже заслужил отдых. А что за медаль висела у него на шее при построении в Хмеймиме?

– Монета в пять сирийских фунтов. Вадиг, тот самый паренек, семью которого Султан спас, переделал ее в медаль и вручил нашему псу. Я уже снял.

– Зачем? Пусть носит.

– Если ему надеть все медали, полученные за годы службы, то они волочиться по земле будут.

– Это тоже награда. Народная. Она дороже любой правительственной.

– Есть, товарищ полковник! Прицеплю к общему иконостасу.

– Тогда счастливого отдыха. Но не забывай о службе, будь всегда на связи и в готовности...

– Я все прекрасно помню, Леонид Андреевич.

– Погоди. Ты собирался к другу, да?

– Так точно! Деревня Чернуха, в шестнадцати километрах от Переславля.

– На чем собираешься ехать? Насколько я знаю, ты у нас единственный, не имеющий на данный момент машины. Электричками?

– Они туда не ходят. Да и насчет автобуса сомневаюсь.

– Но тогда тебе просто необходим автомобиль.

Галдин улыбнулся.

– Так точно. Поэтому сразу отсюда поеду в салон.

– Денег-то хватит на новую машину?

– Да. Я собирался взять «Ниссан Альмеру», а она в средней комплектации стоит недорого.

– А проедешь на ней по русскому бездорожью, особенно сейчас, когда дожди чуть ли не каждый день?

– С этим будут трудности, но мы умеем их преодолевать.

– Не стоит портить себе отпуск. Возьми в гараже «Рено Дастер». Не бог весть какой внедорожник, но все же попоходимей «Ниссана», да и деньги сэкономишь. Купишь что-нибудь посолиднее, когда по лицензии начнем работать. Там бабки, сам знаешь, будут совсем другие.

Кстати, в машине стоит очень хитрый навигатор. Наши спецы с ним славно поработали. Он теперь много чего показать может. Где-то в салоне припрятан сканер. Недавно ребята использовали его при выполнении одного очень непростого задания и на всякий случай оставили в машине.

– Спасибо, Леонид Андреевич. На этом «Рено», наверное, система обнаружения стоит?

– Конечно. Я в любой момент могу узнать, где ты находишься.

Галдин опять улыбнулся и заявил:

– Где машина, а где я? Это не одно и то же.

– Не забывай, что твой телефон даже в выключенном состоянии подает сигналы. Так что я в любом случае буду знать, где ты находишься. Отсутствие же таковых будет означать, что ты в опасности. Тогда в район выедет спецгруппа. Тебе надо, чтобы на рыбалке у костра из леса вдруг появились парни в полной боевой экипировке и насмерть напугали женщин?..

– Каких женщин?

– Вот об этом лучше не говори. Ты без них и дня прожить не можешь, естественно, когда не в командировке.

– Ошибаетесь, Леонид Андреевич. Сегодняшнюю ночь, например, я провел в гордом одиночестве.

– Seriously?

– Так точно!

– Может, взрослеть начинаешь?

– Не исключено и такое.

– Ладно, все. Вопросы ко мне есть? А то надо с Адаксиным в министерство ехать.

– Вопросов нет.

– Удачи!

Галдин покинул кабинет, прошел в гараж, забрал «Рено», выгнал его на стоянку и отправился к вольерам. Султан издали узнал его и забегал внутри клетки.

– Привет, Султанчик! Я смотрю, ты в хорошем настроении.

Пес встал на задние лапы и старался просунуть морду между прутьями, чтобы лизнуть своего хозяина.

– Погоди, Султан, у меня для тебя сюрприз, – сказал он и позвал кинолога.

Подошел молодой сержант контрактной службы.

– Да, товарищ старший лейтенант?

– Открывай клетку.

– Не понял, – удивился парень, отвечающий за содержание собак.

– Чего ты не понял, сержант? Открывай клетку, говорю!

– Я, конечно, знаю, что именно вы работаете с Султаном. Но сегодня собаки должны находиться в вольерах, так как личный состав вашего отряда отправлен в отпуск.

– У меня разрешение полковника Серданова. Этого достаточно?

– Надеюсь, письменное разрешение?

Галдин поднял глаза.

– Господи, и здесь махровая бюрократия! Устное разрешение.

– Тогда мне требуется подтверждение.

Султан понял, что налицо конфликт, и зарычал на сержанта.

Галдин же достал сотовый телефон и вызвал на связь полковника, который вместе с генералом Адаксиным уже ехал в министерство:

– Что такое, Галдин? – спросил Серданов.

– Вы пожелали мне удачи, но рановато.

– Я спросил, в чем дело?

– В том, что кинолог не желает выпускать Султана. Сержанту, видите ли, необходимо письменное распоряжение.

– Передай ему телефон.

Галдин сделал это.

Сержант слушал недолго, протянул аппарат Галдину, достал связку ключей, открыл клетку и сказал:

– Забирайте вашего Султана. С утра его кормили. Второй раз...

– Знаю, сержант.

– Возьмите на кухне продукты для пса.

– Там есть кто-то?

– Кладовщик.

Султан выскочил из клетки, лизнул руку Галдина, сел у его ног и рыкнул на кинолога.

Старший лейтенант потрепал пса по загривку и сказал:

– В общем, так, Султан. Обещай, что будешь хорошо вести себя, и я не стану надевать на тебя ошейник и намордник.

Пес дважды махнул лапой. Наверное, это означало его согласие.

Галдин с Султаном проследовали до кухни, получили там два объемных пакета продуктов для пса, прошли к машине. Старший лейтенант открыл заднюю дверцу. Собака легко запрыгнула на сиденье и прилегла.

Вадим занял место водителя, посмотрел на монитор бортового компьютера и узнал, как заправлен служебный «Рено». Оказалось, что бензина хватит почти на пятьсот километров. Этого было более чем достаточно.

Далее старший лейтенант без проблем выехал с территории центра и повел машину к Загородному шоссе.

Сотовый телефон сработал сигналом вызова.

Галдин увидел на экране, кто звонит, и ответил:

– Да, Сеня.

– Ты уже свалил?

– Да. Забрал Султана и двинулся. Сейчас выезжаю на Загородное шоссе. А что?

– Значит, дали тебе пса?

– Ты знаешь, я не ожидал, что все так легко пройдет.

– Хорошего тебе отдыха. А я домой, заберу Людмилу, заедем в гипермаркет, затаримся и на дачу. Неужели уже сегодня удастся посидеть с удочкой на пруду? Погода вроде ничего.

– Да, погода ясная.

– Ладно, думал, ты еще в центре, но раз уехал, то счастливой дороги.

– Спасибо, Сеня.

– Звони, если что!

– Конечно.

Снегирев отключился.

Галдин добрался до Загородного шоссе и включил правый поворотник. Переславль находился в другой стороне, но Вадиму надо было заехать домой, переодеться, забрать продукты, одежду.

К дому он подъехал в 14.10. Во двор заезжать не стал по известной причине, приткнул «Рено» под знаком «Остановка запрещена». Старший лейтенант не обратил на него внимания. Домой он вместе с Султаном дошел пешком. Там переоделся, забрал увесистую сумку, забитую продуктами, двумя литрами водки, тремя блоками сигарет, купленными вчера, достал из сейфа пистолет и вернулся к машине.

Рядом с ней стояло авто ДПС.

– Этого, блин, еще не хватало! – буркнул Галдин и подошел к «Рено».

Собака шагала рядом.

Из машины ДПС вышел лейтенант, представился и спросил:

– Ваш автомобиль?

– Служебный, Центра по гуманитарному разминированию МЧС РФ.

Инспектор явно не ожидал подобного ответа.

– Документы, пожалуйста.

– Мои? Или на машину?

– И ваши, и на машину.

– Хорошо, лейтенант, но учти, я тороплюсь на военный аэродром. Через два часа у нашего отряда вылет в Сирию. Вот даже собаку пришлось экстренно брать. Так что ты подсуе-
тись. Задачу отряду ставил сам президент. Его помощник должен проводить нас. Мое опозда-
ние будет на твоей совести, шума много поднимется. Мне-то ерунда, а вот тебе!.. Но я ничего
не имею против проверки. – Он достал документы, протянул лейтенанту.

Тот взглянул только в удостоверение личности офицера.

– Понятно. Езжайте, но в следующий раз сморите, где ставите машину.

– А что такое?

– Знак!

– Знак?

Лейтенант показал на столб.

– Да, вижу. Раньше как-то не замечал.

– А надо бы. Я уже вызвал эвакуатор. Подошли бы позже и не нашли бы своего «Рено».

– Тогда вся ваша контора крепко отгребла бы! Машина-то не простая, служебная.

– На ней не написано. Номера обычные.

– А буквы?

– Черт! – Лишь теперь до лейтенанта дошло, что с такими буквами на номерах ездили
только офицеры специальных служб, не подлежащие контролю ГИБДД.

– Вот видишь, оказывается, мы оба невнимательны. Султан, в машину! – Галдин открыл
дверку, и пес запрыгнул на сиденье.

Старший лейтенант поставил сумку в багажник, сел за руль и подмигнул инспектору
ДПС. Тот отдал честь. Галдин нагло, через две сплошные полосы, развернулся, посигналил и
повел внедорожник на выезд из Москвы.

Султан выставил морду между спинками передних сидений.

Галдин взглянул на него.

– Интересно, да? Хочешь спросить, куда едем? Недалеко. В деревню. Там будет тебе
раздолье.

Пес с интересом смотрел в лобовое стекло, хотел было перебраться на переднее сиденье,
но Галдин осадил его:

– Место, Султан!

Пес послушался.

– Вот так и сиди. И вообще, я же предупреждал тебя. Или хочешь намордник?

Султан прикрыл нос лапой.

– А не хочешь, сиди и не дергайся.

Дорога до Переславля заняла четыре часа. Это на сто восемьдесят километров. На мосту
через Москву-реку зацепились две фуры и наглухо закрыли его. Хорошо еще, что полиция
подскочила быстро. Особых повреждений у машин не было, они кое-как разъехались, но Гал-
дину пришлось простоять в пробке полтора часа.

В 20.10 он въехал в Переславль. Дорогу знал хорошо, двинулся по объездной, миновал
мост через Оку, пролетел десять километров, свернул направо и сразу ушел на второстепенную

дорогу, по качеству гораздо лучшую, чем главная. Старший лейтенант въехал в лес и остановился.

Надо было покормить Султана. Повар вместе с сухими продуктами выделил Галдину два термоса с готовой едой и с водой, в которой были растворены витамины.

Старший лейтенант вывел Султана из машины, вытащил судки. Пес понюхал их, отошел в сторону, пометил территорию по кругу диаметром метров в двадцать и только после этого приступил к еде. Ел он не спеша, степенно, как и положено заслуженному ветерану.

Галдин закурил и огляделся. Его удивило качество второстепенной дороги. Словно он находился не в России и даже не в Подмосковье. Прежде здесь была грунтовка, местами засыпанная щебнем, асфальтовой крошкой или песком. По весне проехать по этой вот трассе можно было только в сопровождении трактора. Или на танке.

Сейчас же перед ним лежало чуть ли не зеркальное полотно, уложенное по всем правилам. С уклонами от центра, чтобы не оставались лужи, новенькими обочинами с мелким гребнем, пологими кюветами, на которых постоянно подстригалась трава.

«Неужели местная власть наконец-то взялась за ум и начала тратить деньги по назначению? – подумал Галдин. – Но почему тогда другие дороги в колдобинах? Да и в самом Переславле запросто можно было оставить подвеску. А здесь совсем другое. Понятно было бы, если бы впереди находился поселок для богатеньких московских дядек и теток. Но там село Санино. Далее озеро Черное и деревня Чернуха. За ней сплошные болота. Да, загадка».

Разрешилось все быстро.

Галдин возобновил движение, проехал село Санино и увидел, что слева, практически вдоль всего западного берега озера тянется кирпичная стена высотой метра в три со столбами из дорожных декоративных каменных блоков и фигурными светильниками на каждом из них. В ней массивные сдвоенные ворота, способные пропустить одновременно пару грузовых машин. За оградой стройные сосны, ели, наверняка посаженные специально. Галдин помнил, что раньше тут были поля.

Среди деревьев целый дворец с причудливой крышей из черепицы. Видны только окна второго и третьего этажей, забранные решетками, и балкон с резными балясинами. Все красиво, дорого. Постройки по сторонам тоже хороши, но скромнее.

У ворот отдельное здание, напоминающее контрольно-пропускной пункт войсковой части. Спереди и сбоку большая стоянка, окруженная аккуратными полосатыми столбиками. Туда сворачивала хорошая дорога.

До деревни же тянулась прежняя убогая грунтовка, даже без щебня, крошки и битого кирпича. Просто две колеи посреди леса.

«Кто ж это такое поместье здесь отгрохал? – подумал Галдин. – Какой-нибудь чиновник федерального уровня? Вполне может быть. Подальше от глаз столичных фискалов. Или кто-то из местных? В Переславле тоже живут весьма богатые люди.

Охраны я не заметил. Это означает, что она ведется профессионально. Наблюдение за чудом, возникшим среди леса, осуществляется через видеокамеры и прочую хитрую аппаратуру.

Этот дворец мне не понравился. Кто успел его построить за те три года, в течение которых я тут не был? Чтобы такое отгрохать, надо иметь и технику, и людей, целую строительную компанию».

Тут «Рено» затрясся на грунтовке, и Галдин усмехнулся.

«Вот это уже по-нашему, по-русски. Дороги времен Ивана Грозного. Так в большей части страны. В двадцатом веке. Идет какой-нибудь пенсионер по улице в старых кирзачах и телогрейке, а в руке у него сотовый телефон. У домов теперь не шесты высотой метров в пять с самодельными антеннами, а спутниковые тарелки. Контрасты, мать их!..

С одной стороны, как говорил поэт, преданья старины глубокой, с другой – результаты прогресса. А в итоге хрен знает что».

Галдин завел «Рено» в деревню Чернуха в 20.30. Там было темно, не горел ни один фонарь. Ближний свет фар высвечивал ухабы распотрошенной центральной и единственной улицы. Раньше здесь было дворов сто, никак не меньше. Сейчас их осталось десятка два.

Старший лейтенант запаса Вячеслав Дуневич жил на окраине, у болота. Галдин учился вместе с ним в военном училище, знал его сестру Елену, отца, скончавшегося в 2012 году. Мать умерла при родах Елены, отец же другую женщину в дом не привел.

Машину тряхнуло. У Галдина возникло такое ощущение, будто она провалилась в воздушную яму, только покатистую и с твердым покрытием.

– Поймал все же колдобину, – пробурчал Галдин. – Да и как в нее не угодить, если здесь вся улица – сплошные колдобины. – Он повернулся к псу, поднявшему голову. – Это тебе, Султан, не шоссе, ведущее к поместью какого-то нувориша, а исконно русские дороги. Таких ни в Сирии, ни в Суринаме, ни даже в Афгане не найдешь. А у нас, твою мать, все та же проблема – дураки и дороги.

Пес наклонил голову, слушал Галдина и всем своим видом показывал, что полностью с ним согласен.

А старший лейтенант медленно вел машину по ночной деревне. Он внимательно всматривался в дорогу, чтобы не угодить в колдобину размером с его авто. Такого исключать было никак нельзя. Вокруг темнота непроглядная. Небо заволокли тучи, скрылись звезды.

Только в окне дальнего дома мелькнул свет. Туда Галдин и подъехал. Он остановил машину и с удивлением посмотрел на участок Дуневичей.

Забор, когда-то крепкий, поставленный еще в восьмидесятые годы, скособочился, одна секция завалилась. За ним непроходимые заросли какого-то чертополоха.

Да и дом выглядел весьма печально. Стены еще ничего, штукатурка с них не отвалилась, но они уже чуть покосились. Гараж поржавел. Ворота в сарай нараспашку. Когда-то семья держала там свиней и коз. С другой стороны были насесты для кур, загон для гусей. Скотины у Дуневичей было много даже после смерти отца. А сейчас у гостя возникло такое ощущение, что даже кошки в хозяйстве нет.

«Здесь определенно что-то случилось. А вот что? Это я сейчас и узнаю», – подумал Галдин и окликнул пса:

– Султан, рядом!

Они подошли к крыльцу.

Глава 2

Галдин постучал. В ответ тишина, причем какая-то гробовая. Этот дом казался Вадиму склепом. Он не мог понять, как Славик и Лена, отличавшиеся педантичной аккуратностью и трудолюбием, могли так запустить дом и участок.

Галдин толкнул дверь, взглянул на пса. Султан тоже посмотрел на него, но спокойно, не проявляя никакой тревоги.

Они прошли через сени. Дверь в комнату оказалась открытой. В ней горел свет, но никого не было. Бросалось в глаза запустенье, пыль на полу, смятые дорожки. На столе громоздились пустые бутылки и тарелки с объедками недельной давности. Банка из-под тушенки, переполненная окурками. Грязные шторы на окнах. Черт возьми, Вадим никак не ожидал увидеть здесь такой бардак.

– Эй, живые есть кто? – крикнул он.

– Приехал все ж таки, – донесся голос из левой спальни.

В комнату на инвалидной коляске въехал старший лейтенант запаса Вячеслав Дуневич. Его физиономия заросла недельной щетиной. Он был в рубашке далеко не первой свежести и мятых штанах.

Галдин остолбенел. Пес тоже напрягся, заскулил.

Дуневич же продолжал:

– А я что говорил? Не хрен тебе здесь делать, Галдин.

– Ты это, Славик... что произошло?

– Какое вам всем дело? Проваливай отсюда. Нет больше Славика Дуневича, да и Елены.

– Как это?

– Как? Каком кверху. Я же сказал, проваливай, а то ружье за шторой, влеплю дуплетом в черепушку, и все дела.

– Ты охренел, Славик? Это же я, Вадим.

– Нет, это ты охренел. Я же предупреждал.

Видок у Дуневича был не ахти. Сразу ясно, с перепоя. А вот похмелиться другу нечем.

– Ладно, свалю, если хочешь, но, может, по старой дружбе пропустим граммов по двести?

В глазах Дуневича промелькнул блеск жизни. До того они казались Вадиму мертвыми.

– А у тебя есть?

– Конечно. Я же в гости ехал.

– Давай.

– В машине. Сейчас принесу. Пес тут посидит. Ты не бойся, он не тронет.

– Я, Галдин, в этой жизни больше никого и ничего не боюсь.

– Ну да, я сейчас. Султан, сидеть, свои!

Вадим принес сумку. Потом он убрал со стола пустую тару, мусор, перестелил скатерть, выставил из сумки две бутылки водки, свежий хлеб, колбасу, паштет, шпроты.

Дуневич усмехнулся и заявил:

– Богато, смотрю, живешь, Галдин.

– Бывали времена, ты меня по имени звал.

– Когда-то бывало. Наливай.

– Один стакан вижу, где второй взять? Да и нож нужен.

– Сзади. В буфете у печки.

Галдин достал из буфета все необходимое, быстро порезал колбасу, хлеб, вскрыл консервы. Налил он не скупясь, по двести граммов. Дуневич схватил стакан и залпом выпил. Вадим тоже, но в несколько глотков. Хозяин дома занюхал водку рукавом рубахи, достал из внутреннего кармана дешевые сигареты.

– Ты бы закусил, Славик, – посоветовал Галдин.

– А ты бы оставил свои советы при себе. Наливай еще.

Гостю пришлось открывать вторую бутылку. На этот раз они пропустили по сто пятьдесят граммов. Дуневич проглотил бутерброд с колбасой, после чего прикурил очередную сигарету. Вадим достал свои и тоже задымил.

– И сигареты дорогие куришь. Жизнь удалась, да? – продолжал Слава.

Галдин решил перейти в наступление, и заявил:

– Так, хорош дурака гнать. Я твой друг. Брось свои выкрутасы и рассказывай, что у вас тут случилось. Почему бухаешь, где Елена, и вообще, как цветущий участок превратился в помойку?

– Друг, говоришь? – Дуневич пьяными глазами посмотрел на Галдина. – Если так, то поможешь бабками. Скоро зима, а у меня ни одного полена нет. Даже сейчас ночью приходится укрываться двумя одеялами.

– Конечно, помогу, какой базар, Славик.

– Дрова нынче дорогие.

– Ерунда. Я тебе не только дровами помогу, а всем, что потребуется. Но ты сначала должен рассказать мне, что произошло.

– Погоди немного, – сказал Дуневич.

– А чего ждать?

– Сейчас увидишь.

Буквально через полминуты в комнату вошла женщина лет шестидесяти с большим узлом в руках.

Султан среагировал, развернулся, встал, готовый к защите хозяина.

Женщина от неожиданности вскрикнула и едва не уронила узел.

– Спокойно, Султан! Это тоже свои, – сказал Галдин.

Пес тут же потерял интерес к женщине.

Дуневич объяснил:

– Это Мария Алексеевна Тернова, моя бывшая учительница, сейчас пенсионерка, единственный человек на деревне, который не отвернулся от меня. Помогает чем может, еду готовит, обстирывает, насколько здоровья хватает.

– Старший лейтенант МЧС Вадим Галдин, – представился гость. – Мы со Славиком вместе в училище учились. А это мой пес. Вы не бойтесь, он никого не тронет.

Женщина покосилась на овчарку и сказала:

– Ну да, не тронет! Вид как у волчары.

– Он добрый, Мария Алексеевна.

– А ты, значит, друг Вячеслава?

– Да.

– И что же ты бросил его в беде?

– Да в какой беде? Я получил отпуск первый раз за два года, да и то всего на пару недель. Позвонил Славе, а он разговаривать не хочет. Но все равно приехал, а тут... коляска, все запущено. Вот пытаюсь узнать, что произошло, Слава не говорит, прогоняет. Может быть, вы расскажете, что здесь приключилось?

Женщина развязала узелок, достала из него кастрюлю.

– Это, Слава, борщ.

За кастрюлей появился чугунок.

– Здесь картошка. Вот тут кусок сала, хлеб. Ну а это белье твоё. Ты уж извини, у меня, сам знаешь, стиральной машины нет, пошмыгала руками то, что смогла. Остальное потом занесу. Завтра истоплю баню, поедem, помоешься. – Женщина повернулась к Галдину: – Что приключилось, спрашиваешь, гость? Страшная беда...

Дуневи́ч прервал ее:

– Не надо, Мария Алексеевна, я сам все расскажу. А вам спасибо большое.

– Ладно, пойду я. Мне с утра огородом заниматься. Вот говорила же, давай сын мой, Егор и тебе картошку посадит, нет, отказался.

– Я не могу вот так, на халяву. Как пенсию получу, заплачу.

– Да ладно тебе. Я что, ради денег взялась ухаживать за тобой? Не обижай. Пошла я, а ты все Расскажи другу. Смотрю, нормальный он парень.

– Идите, Мария Алексеевна, еще раз большое спасибо вам.

– Не за что. – Женщина ушла.

Дуневи́ч кивнул на бутылку.

– Доливай остатки.

Галдин отставил водку в сторону.

– Нет. Пока не расскажешь все, ни капли не получишь.

Вячеслав неожиданно легко согласился:

– Ну и ладно, хочешь, слушай.

Видимо, ему самому было необходимо выговориться, но мешали гордость, злость, обида.

– С чего начать, Вадим?

– Ну вот, хоть по имени назвал, это уже хорошо. А начинай с начала.

Дуневи́ч хмыкнул и заявил:

– Где это начало? Ладно, попробую. Но если буду говорить сумбурно, изъясняться невпопад, то не взыщи.

– Если что, я переспрошу.

– Угу. Ты когда ехал сюда, поместье у озера видел?

– Конечно, как такое не увидишь? Еще от поворота удивился идеальной дороге, подумал, власть за ум взялась.

– Ага, жди, возьмется она. Но не в ней дело, не во власти. Это поместье отгрохал один бизнесмен, господин Сухобоков Леонид Борисович. Сволочь, какую поискать. В девяностых бригадиром у зареченских был, имел погоняло Треска. Пахан его тогда же служил заместителем областного военкома. Должность высокая, связи везде, куча денег за отмазку детенышей чиновников и бандюков от армии. Когда организованные преступные группировки в начале двухтысячных гасить принялись, он и сынка отмазал. Знал, когда всех брать будут, дома держал, а потом прикрыл от следствия. Этот самый Треска как-то сумел окончить строительный техникум и тут же завел чуть ли не первую в регионе крупную строительную компанию. Отец в свое время огреб бабки. В общем, взялся Треска, а тогда уже господин Сухобоков за строительство. Кто-то подсказал ему, или сам додумался, что выгодное дело. Начал лепить каркасные коттеджи вокруг города. Цена невысокая, квартира дороже. А тут и свой дом и земля. Три или четыре поселка поставил и продал. Взялся за высотки. В общем, поднялся. Для себя отстроил отель «Алые зори», самый настоящий бордель со шлюхами и наркотой. Так, по крайней мере, в городе говорили. Да и поместье возвел, которое ты видел. Плевать ему на законы, на то, что земля здесь заповедная. Ее, по слухам, приватизировала Милена Станиславовна, жена губернатора Рябова. Сухобоков получил разрешение и построил трехэтажный особняк с бассейном и бильярдной. Там у него гостевые дома, сауна и даже теннисный закрытый корт. Озеро все захватил, причал устроил. Там у него два катера. Раньше наши деревенские по всему берегу рыбачили, где хотели там и купались. Теперь только в одном месте. Смилоствовался господин Сухобоков, выделил деревенским полосу берега метров двадцать. Чуть в сторону никак нельзя! У него там пара быков в охране. Они летом постоянно на катере по озеру шныряют.

– Но кто ему все это разрешил? Губернатор? – спросил Галдин.

– Не знаю. Тому, кроме своего кармана, ни до чего дела нет. Он прежде сидел в Думе. Надо было местечко освободить для другого человека, вот его на губернатора кинули. А у жены и в Москве бизнес не хилый. На хрена ему работать?

– Но есть же еще ФСБ, МВД, надзоры всякие.

– А какое дело ФСБ до какого-то бизнесмена? Для государства он никакой опасности не представляет. Да, беспредельничает, но это вроде как и не их дело. В УВД то же самое. По документам у него все чисто, никого не убивал, из бюджета не воровал, заявлений на него никаких нет. Да и крыша у Сухобокова имеется. Депутат Капронов Алексей Сергеевич. Он в те же девяностые в одной ОПГ с Сухобоковым обретался. Был телохранителем самого Черта, то есть Василия Чертакова, главаря всех зареченских. Будущего депутата тогда Капроном звали. Старший Сухобоков его отмазал, а младший в Думу определил.

– Как это?

Дуневич усмехнулся и осведомился:

– А ты не знаешь, как это делается? Отстегнул бабки, Капрон их передал в совет некоей партии, а тот за это включил его в федеральные списки. В итоге Капрон занял теплое местечко с очень широкими полномочиями, а главное – с перспективными связями. В общем, коррупция самая натуральная. – Вдруг Вячеслав резко сменил тему и спросил: – Ты точно два пузыря привез?

– Тебе что, не хватило?

– Не сейчас. Позже. Узнаю, спокойней будет.

– Есть еще водка.

– А деньги?

– И деньги есть.

– Тогда ладно.

– А что ты мне про этих бандюков, выбившихся в бизнесмены и депутаты, рассказывал? Они имеют какое-то отношение к тебе?

– Капронов нет, а вот Сухобоков!.. Именно эта тварь и сломала нашу с Леной жизнь. Ленке тут заняться нечем было. Сначала вроде работала на фабрике в селе. Платили семь-восемь тысяч, да и то с задержкой месяца на три. Потом фабрику закрыли, продали кому-то под склады. Что было делать? Подруга позвонила из Москвы, пригласила, золотые горы обещала. Ленка собралась и поехала. Устроилась в торговом центре. Познакомилась там с москвичом, менеджером Валерой. Тот хату снял, стали жить вместе. Он обещал жениться. Мне не верилось, но Лена и слушать не стала. Мол, Валера не такой, как все, он хороший, и прочая лабуда. А этот хороший Валера сам себе на уме. К хозяину торгового центра приехала сестра из Киева. Валера тут же на нее и переключился. Ленка в разборки. Да куда ей тягаться с сестрой хозяина торгового центра? В общем, выкинули ее с работы. Да еще и долги за хату остались. Валера, оказывается, не платил за нее. Что заработала, все раздала. Стала искать новую работу. Налетела на фирму услуг, типа окна мыть, квартиры убирать, стирать. Там вроде деньги неплохие обещали. Поехала на собеседование. Встретил ее хмырь какой-то и сразу предложил пару клиентов, одиноких мужиков, которым кроме работы по дому еще и секс нужен был. Лена в отказ. Хмырь наехал, мол, куда ты денешься? Она позвонила мне, я тогда лесником работал, обрисовала ситуацию. Я в Москву, на эту фирму. Дал в рожу этому хмырю, забрал Лену и привез обратно в деревню. А тут Сухобоков закончил строительство своего поместья. Ему нужны стали служанки, горничные. Объявления везде были вывешены. Ленка, смотрю, опять купилась. Но тут я ничего не заподозрил. Человек вроде местный, известный, женатый. А Сухобоков в тот момент развелся в четвертый раз. Несмотря на свои пятьдесят три года, он слишком уж охоч до баб. Ленку заприметил сразу. На третий день предложил ей спать с ним и с его друзьями, когда собираться будут. Сестра, конечно же, в отказ. Он затащил ее в спальню и изнасиловал. Ночью не пришла домой. Пошел я с утра к поместью. Охранник меня

и близко не пустил. Объяснил я, что сестра у меня здесь работает. Он в ответ, мол, ничего не знаю, проваливай, пока при здоровье. Не сдержался я, ввалил и охраннику. В общем, шум поднялся. Прибежали другие быки, меня отделали. А потом вышел сам Сухобоков. Дескать, работаешь лесничим, и флаг тебе в руки. В мои дела не лезь и о сестре не беспокойся, она в порядке. Тут Ленка каким-то образом вырвалась из дома и закричала: «Помоги, Слава!» Я на Сухобокова. А вокруг охрана. Ленка же вопит, что изнасиловал ее бизнесмен. Избили меня прилично, бросили в кусты. Очнулся от дождя. Вспомнил все, решил на территорию пролезть, вытащить Ленку, да куда там. Направился на село. Там участковым был капитан Гвоздев, все его Гвоздь звали. Я к нему. Он: «Ты охренел? На самого Сухобокова тянуть!.. Да он тебя раздавит как комара». Я говорю: «Ты заяву прими, оформи как положено и разбирайся. На то ведь тебя тут и поставили». Покряхтел он, но заяву принял. Не знал я тогда, что на Гвоздя этого в УВД уже приказ был об увольнении. Он с этой заявой напрямую к Сухобокову. А через день поехал я в лес. В пяти километрах дорога перекопана. Что, думаю, за дела? Вышел посмотреть, а тут из леса четверо с битами да в масках. Отделали так, что оказался я на инвалидной коляске. Позвоночник сломали. Выжил благодаря тому, что дед Евсей, грибник местный, в тех краях обретался, нашел меня да на «Ниве» моей отвез в больницу. Вот так я стал инвалидом. Ленка до сих пор у Сухобокова. Я ничего сделать не могу. Гвоздь как уволился, к нему в услужение подался вместе с женой. Бывший участковый теперь у него начальник охраны, а жена поварихой пашет. Продались твари. Как-то наведывались ко мне быки Сухобокова, все пьяные. Не успел я ружье взять, а то бы встретил достойно. Они опрокинули коляску, сами за стол, достали самогон и давай жрать. Пили и смеялись. Чего, мол, офицеришка, добился своего? На кого пасть открыл, придурок? Сиди теперь в коляске. Я спросил, что с Леной. Они еще больше ржать. Дескать, Лена твоя с хозяином спит и по кругу идет, когда серьезные люди к нему приезжают. В общем, в рабстве она. Вот такие дела, Вадим. Наливай!

Галдин достал третью бутылку, разлил по сто граммов.

Друзья выпили, перекурили.

Потом Вадим проговорил:

– Вот, значит, как? Хозяином жизни почувствовал себя Сухобоков?

– А он и есть хозяин жизни. Сосед, который напротив Марии Алексеевны жил, в газету какую-то написал о беспределах бизнесмена. И что? Пришли быки, дали ему сутки на то, чтобы свалить из области. Не послушал. Через сутки нашли мужика в озере. Утонул по пьянке. А он ни хрена не пил, язвенником был.

– Это что ж получается? На этого Сухобокова никакой управы нет?

– Получается, что нет.

Галдин взглянул на пса и спросил:

– Ты тоже так считаешь, Султан?

Тот зарычал в ответ.

– А вот у него другое мнение.

Дуневич посмотрел на Галдина.

– Ты чего, лишнее выпил? С собакой разговариваешь.

– А это, Слава, не обычная собака. Она лучше некоторых людей все понимает. Вот только сказать ничего не может. Значит, ты смирился со своим положением?

– А что мне делать, Вадим? Ладно, был бы здоров, подкараулил бы эту мразь Сухобокова да пристрелил бы из ружья. А на коляске я из дома один выехать не могу. Стыдно сказать, под себя хожу. Это Мария Алексеевна, добрая душа, приходит, ухаживает, обмывает. Но и у нее здоровье подорвано. Овощ я, Вадим.

– Ты не овощ, а инвалид. Еще неизвестно, можно ли тебе помочь в плане восстановления.

– В районной больнице сказали, что нельзя. Радуйся, мол, что только нижняя часть тела парализована. Сидеть можешь, руки двигаются. Другие после таких травм лежнем лежат, если вообще выживают. А по мне, лучше бы убили тогда.

– Районная больница – это не тот уровень. У нас в госпитале врачи поднимали тех парней, которым осколки позвоночника перебили.

– А на хрен мне жизнь такая, когда я сестру не смог защитить?

– Так застрелись.

– Пытался. Дважды. Духу не хватило. Сломали меня в прямом и переносном смысле.

Галдин налил еще по пятьдесят граммов.

– На сегодня это все. Место, где переспать, найдешь для меня?

– Да в Лениной комнате и поспи. С утра в обратку?

– С чего ты это взял?

– Ну да, ты ж в отпуск приехал, порыбачить.

– Планы меняются, Славик. Не можешь ты, значит, я вытащу Ленку из рабства. Да и бизнесмена этого накажу.

– Ты?

– С Султаном. Но сначала кое с кем переговорю эту тему. Забор подправлю, решу вопрос с дровами, порядок у тебя в доме наведу. Схожу и на рыбалку. Посмотрю на поместье.

– Ты все это серьезно, Вадим?

– Конечно. Справедливость, Славик, должна восторжествовать. Так оно и будет. А как решим вопрос с Леной и этой мразью Сухобоковым, отвезу тебя в наш госпиталь.

– Ты рехнулся? Да Сухобоков, если понадобится, в поместье столько быков наберет, что их там и взвод не возьмет. Бандюков отборных!.. В армии они не служили, на зонах опыта набирались.

– Разберемся.

– Ты в натуре без башни. Вали отсюда, пока тебя не уделали.

– Нет, Славик. Теперь я от тебя уеду только тогда, когда Сухобоков станет выть от отчаяния и боли, вымаливать себе жизнь. Давай помогу. Говори, что сделать надо?

– Ты о чем?

– Ну, подмыть, снять белье, помочь лечь в постель. Потом приберусь в комнате, продукты разложу. Холодильник-то у тебя есть?

– В погребе как в холодильнике. А тот сломался.

– Не выкинул?

– А ты не видел в сених?

– Не обратил внимания. Посмотрю, что там сломалось. Если помнишь, я техникой в училище сильно увлекался.

Дуневи́ч улыбнулся. Наверное, впервые за последние годы.

– Как же, помню. Тебя еще тогда называли Кулибиным и Левшой.

– Это в шутку, но технику люблю и кое-что в ней понимаю. Кроме компьютеров и разных устройств последнего времени. В них я ни в зуб ногой. Говори, что делать надо.

– Устраивайся в комнате. Помыться, извини, можно, если только из колодца ведрами воды натаскаешь. Чистое постельное белье в спальне, в тумбочке. А я сам справлюсь. Не впервой. Да, у тебя водка на утро осталась?

– Есть еще пузырь.

– Хорошо, а то самогон здесь дерьмовый, а на селе надо знать, у кого брать, да и не дадут чужакам.

– Зачем самогон? На селе что, магазина нет?

– Есть. Только там паленку одну продают. Безопасней самогон пить.

– Да, провинция.

- Это тебе не Москва.
- Даже не Суринам и не Сирия.
- А ты что, был там?
- Был. Из Сирии прилетел и отпуск получил.
- И чего там в реале, Вадим?
- Поздно уже, а рассказывать долго. У нас будет еще время обо всем поговорить.
- Ладно.

Дуневи́ч покати́л в свою спальню.

Галдин обмылся холодной водой, поставил машину за сарай. Потом он зашел в комнату Елены и посчитал, сколько сейчас ей лет. Вышло двадцать. Вадим застелил постель и прилег. Рядом на коврике устроился Султан.

Полутру Галдин вывез Дуневи́ча на улицу, покормил пса, занялся уборкой, а потом и забором. С ним пришлось повозиться, но в конце концов Вадим установил его на место. Он занимался этим до середины дня. Друзья пообедали борщом и картошкой, которые принесла Мария Алексеевна.

Вячеслав, похмелившийся с утра, был дружелюбен. Но не только от водки. К нему постепенно возвращалась жизнь. Он начал понимать, что не брошен, не остался один.

После обеда Галдин заглянул в гараж. Там стояла старая, но довольно приличная «Нива». Дверца открыта, ключ в замке. Вадим провернул его. Машина завелась с пол-оборота, но через пару минут заглохла. Закончился бензин.

Подкатил на коляске Дуневи́ч и сказал:

– «Нива» еще ничего. Года солидные, а вот пробега и пятидесяти тысяч не будет. Я на ней только в лес да на дальнее озеро ездил.

– Документы на «Ниву» в порядке?

– ОСАГО нет, некому делать было. А без страховки далеко не уедешь.

– Это дело поправимое. Паспорт на машину у тебя?

– Все у меня. Даже права остались.

– Я воспользуюсь ею, если ты не против.

– А ОСАГО?

– Напишешь доверенность. В городе оформлю страховку.

– До него еще доехать надо. На селе постоянно патруль ДПС трется. Он не трогает только тачки Сухобокова.

– Слушай, Слава, а этот Сухобоков часто в городе бывает?

– Откуда мне знать? Впрочем, насчет этого можно с участковым поговорить.

– С тем самым, которого еще при назначении купил этот бизнесмен?

– Нет, новый участковый – вполне нормальный парнишка. Наши отцы друзьями были.

– Отец мента жив?

– Помер. В том же двенадцатом году.

– Что за участковый?

– Лейтенант Борисов Михаил Владимирович, двадцать три года, отслужил в десанте, закончил школу полиции и получил назначение в родные места. Живет рядом с церковью и магазином.

– Считаешь, с ним можно поладить?

– Смотря в чем.

– В серьезных делах.

– Думаю, можно.

– Уверен, что его не купил Сухобоков?

– Сто процентов не дам. Где-то девяносто.

– Неплохой расклад. Так я доеду до участкового. У него где опорный пункт?

– В сельсовете, но он вряд ли сидит там целыми днями. Кроме села на участке еще четыре деревни.

– Тачка у лейтенанта есть?

– Служебный «УАЗ». Его еще Гвоздь получил, хотел на себя оформить, но не успел. Выгнали раньше. – Дуневич посмотрел на часы и спросил: – Ты что, прямо сейчас к нему собираешься?

– У меня, Славик, всего две недели, уже меньше, а дел предстоит много.

– Не связывался бы ты, Вадим. Хватит и того, что мы с Леной пострадали.

– Нет, не хватит. Беспредел должен быть наказан. За каким чертом я рискую собой где-то за границей, а на родине правит зло? Не будет этого.

– Ты же не крутой спецназовец, а сапер.

– Что это меняет? В первую очередь я – офицер. Ты, кстати, тоже. Давай-ка я завезу тебя домой, приготовлю ужин, сварю кормежку собаке и поеду. Инспекторы ДПС в селе весь день торчат?

– Когда как.

– Ладно, прорвемся.

Готовить ужин Галдину не пришлось. К ним зашла Мария Алексеевна, принесла макароны по-флотски и остатки белья.

Она увидела чистоту в комнате, Дуневича, приведенного в порядок, улыбнулась и заявила:

– Ну вот, совсем другое дело. Теперь вижу, что друг приехал.

Галдин сварил похлебку для Султана, накормил его.

– Слава рассказал, что у них произошло? – спросила бывшая учительница.

– Да. Мария Алексеевна, может, вы знаете, Сухобоков часто выезжает из поместья?

– Да каждый день. Иногда не бывает тут неделями. У него же своя гостиница.

– Где эта гостиница находится?

– Чего не знаю, того не знаю.

– А где конкретно держат Елену?

– Я толком ничего, Вадим, не знаю, не выезжаю из деревни.

– А Егор, сын ваш?

– А что сын? Он каменщиком на стройке работает. Иногда сутками.

– Не в компании Сухобокова?

– Нет, в другой.

– Ладно, сам разберусь.

Женщина внимательно посмотрела на старшего лейтенанта и спросила:

– А тебе это для чего?

Вадим промолчал.

– Не хочешь говорить. Ну и не надо. Только запомни, с Сухобоковым тебе не справиться, за ним власть. Что ты можешь против нее?

– Посмотрим.

– Ну, смотри. Пошла я. Завтра обед принесу.

– До свидания, Мария Алексеевна.

Галдин проводил женщину, взял канистру с бензином, входящую в комплект служебного автомобиля, заправил «Ниву», осмотрел ее и глянул на часы. 17.20.

«Скоро стемнеет. Оно и к лучшему. Меньше посторонних глаз будет, – подумал он. – А вот мимо поместья Сухобокова проезжать не следует. Не фиксируют ли камеры, установленные там, машины, проезжающие в деревню? Вроде бы и ни к чему, но кто знает. Надо выяснить, есть ли объездные дороги».

Галдин оставил Султана у машины, вернулся в дом.

Дуневич пил чай.

– Слава, вопрос такой. Можно объехать поместье, не выходя на дорогу, ведущую к нему?

– Можно, но крюк приличный выйдет. Напрямую всего два километра, по лесу – пять.

– Но дорога есть.

– Есть. Сразу за деревней сворачивай налево. Эта грунтовка идет в Санино.

– А чтобы в деревне не светиться?

Дуневич почесал затылок и ответил:

– Тогда так. От дома влево где-то километр, у сдвоенной березы поворот направо. Там тоже дорога, она выйдет к грунтовке уже за деревней. Прямо в проулок к церкви, где хата участкового и магазин.

– Это другое дело. Не скучай тут без меня, я постараюсь вернуться быстро. Мне еще посмотреть твой холодильник.

– Лучше бы телевизор починил.

– Не показывает?

– Красное пятно посередине.

– И телевизор посмотрим. Поехал я.

– Выпить бы, Вадим. Тревожно что-то на душе.

– Это от пьянки. – Галдин достал из сумки боевую аптечку, вынул из нее ампулу. – Держи.

Хороший препарат. Будешь спокоен как удав.

– Лучше бы граммов сто водки.

– Нет у меня.

– А не купишь на селе?

– Завязывать пора.

– Завяжу, Вадим, отвечаю. Потом, когда... ну ты понял.

– Ладно, не забуду, возьму. Но ты говорил, что в магазине паленкой торгуют.

– Ты хочешь с участковым поговорить?

– Да.

– Попроси его зайти с тобой в магазин. При нем дадут нормальную, заводскую.

– Ладно, видно будет. Но ничего не обещаю.

– Прошу, Вадим. Даже врачи говорят, что сразу бросать пить нельзя, надо постепенно.

А то организм может сбой дать.

– Это какие же врачи такую хрень тебе говорили?

– Обычные врачи. Я раз в год на комиссию в район езжу. Вернее, возят меня туда.

– Зачем?

– Сказал же, на комиссию.

– Какую комиссию?

– ВТЭК. Не слыхал? Подтвердить, что я не вылечился, чтобы платить мне пенсию как инвалиду первой группы.

– А что, это надо подтверждать?

– Конечно.

– Бред полнейший.

– Я-то что. Некоторые без руки или ноги туда приезжают. Как будто новые отрости могут.

Но так положено. Иначе не видать пенсии.

– И сколько платят?

– Почти десять тысяч.

– Что? Человеку, который не может работать, десять тысяч?

– А как обычные пенсионеры живут? У Марии Алексеевны восемь тысяч с небольшим.

Ну а насчет работы скажу, что руки-то у меня двигаются. Значит, чем-то заниматься могу.

- Охренеть! Ну и государство у нас.
- Я тебе словно Америку открыл.
- Ты и открыл. Беспредел полный. Ладно, пора мне.
- Удачи!
- Спасибо!

Галдин посадил собаку в «Ниву» и двинулся по маршруту, указанному Дуневи́чем. Из деревни его никто не видел, хотя это было не важно. От Марии Алексеевны народ узнает, что к Славику друг приехал, так что особо шифроваться не имело смысла.

До села он доехал за пятнадцать минут и остановил машину на задворках. Вадим приказал Султану охранять ее и двинулся по проулку, который заканчивался магазином и домом участкового. По «УАЗу», стоявшему у ворот, он понял, что тот у себя.

Галдин зашел во двор, поднялся на крыльцо и для приличия постучал в дверь, ведущую в сени, хотя и видел, что она не запрета.

- Иду! – раздался молодой голос.

На пороге появился стройный офицер полиции.

- Здравствуй, лейтенант, – поприветствовал его Галдин.

- Мы знакомы?

- Долго ли это сделать?

- Не знакомы, и уже так фамильярно?

- А как мне к тебе обращаться? «Здравия желаю, товарищ лейтенант Михаил Борисов», да? Пожалуйста...

Участковый прервал сапера:

- Не надо. Кто ты?

- Друг небезызвестного тебе Вячеслава Дуневи́ча.

Участковый сразу помрачнел.

- А у друга есть документы?

- Ну а как же? Ехать к тебе без документов глупо.

- Покажи.

Вадим достал удостоверение, передал участковому.

Тот внимательно посмотрел документ и проговорил:

- Значит, старший лейтенант отряда гуманитарного разминирования МЧС Галдин Вадим Денисович. Серьезное подразделение представляешь, смотрел по телевидению сюжет о вашей работе в Сирии.

- Мы работаем не только там. По всему миру. Но крайняя командировка была именно в Сирию. Я прилетел оттуда, получил отпуск... Слушай, ты так и будешь держать меня на крыльце? В доме тебя ждет очаровательная дама, что афишировать нежелательно?

- Какая дама? Один я, проходи.

Галдин зашел в дом.

Большая комната у участкового выглядела очень неплохо. Раскладной диван, кресла, между ними журнальный столик, телевизор на стене, оклеенной довольно дорогими обоями. На окнах тюль и шторы, на полу ковер. Много фотографий, в правом углу икона с лампадой.

Хозяин указал гостю на кресло у журнального столика.

- Присаживайся, сапер. У меня не курят, так что не обессудь.

- Ничего, нормально.

- Ты приехал по поводу Славика?

- Да. Объясни мне, представитель власти, как это получается, что в свободной, демократической стране процветает рабство? Почему здесь безнаказанно калечат и убивают людей? Или у вас тут зона, свободная от закона?

Борисов вздохнул.

– Не сыпь мне соль на рану, старлей. Ты думаешь, я куплен Сухобоковым?

– Нет. Поэтому я и приехал к тебе, а не к Гвоздеву.

– Славик уже рассказал о трагедии?

– О преступлении.

– Преступником человека может назвать только суд.

– Тогда о беспределе, который творится в Санино.

– А что я могу сделать, если у Сухобокова все схвачено? Глава поселения у него мальчик на побегушках, крыша в области и в Москве. Вступив в должность, я запросил у начальства разрешение на проверку информации о незаконном содержании Елены Дуневич в поместье Сухобокова. А мне в ответ: «Тебе на участке заняться больше нечем? К Сухобокову не лезь! Человек деньги на храмы и детский дом тратит, исправно платит налоги, строит дешевое жилье. Какое незаконное содержание? Не суйся! Самогонщиков лови, бытовуху разгребай. И чтобы показатели на высоте были!»

Галдин кивнул и сказал:

– Ты, разумеется, так и сделал.

– Не угадал. Поехал я к Сухобокову в воскресенье, он тогда как раз прикатил на выходные один, без компании. Так меня дальше ворот не пустили. Гвоздев мне так и сказал: «Куда ты лезешь, лейтенант? Хочешь, не начав служить, закончить карьеру? Так мой босс тебе это быстро организует». А на следующий день звонок из райотдела и мат-перемат начальника. Дескать, что ты творишь на участке? Или не понял того, что тебе было сказано? В общем, получил я по самое не могу, огреб первый свой выговор.

– Ясно. Погоны да оклад, который в районе больше нигде не получишь, конечно, важнее того, что один мужик стал инвалидом, другого убили, а женщина находится в сексуальном рабстве. Своя рубаша, как говорится, к телу ближе. Вот только как ты, вроде нормальный мужик, со всем этим жить будешь? Или, как Гвоздев, пойдешь в услужение к Сухобокову? Тот тебя примет и доплачивать будет.

Участковый резко встал и заявил:

– Ты, старлей, говори, да не заговаривайся. В услужение я ни к кому идти не собираюсь, как и бросать это дело. Только пока нет у меня возможности начать расследование. Да и официального повода. Я же просил Дуневича написать заявление...

– Он уже писал Гвоздеву.

– А надо мне.

– И что ты с ним сделаешь? Отвезешь начальнику, так? А он свернет его в трубочку и тебе в задницу засунет.

– Не борзей и слова подбирай. Я нашел бы, что сделать с заявлением. В полиции, даже областной, далеко не все продажные, много и порядочных офицеров. Новый начальник УВД из Москвы прибыл. К нему поехал бы. Но не поверил мне Дуневич.

– А ты поверил бы?

– Черт его знает, если честно.

– Вот именно. Но хорошо хоть то, что ты хочешь добиться справедливости. Я вот тоже этого желаю и добьюсь. Но мне нужны союзники. Ты среди них?

– Среди них. Что собираешься делать?

– Есть мыслишки, но четкого плана нет.

– Уговори Дуневича написать заявление.

– А смысл? Нет, Миша, официально снять проблему не получится. Не потому, что законы у нас плохие. Тебе просто не дадут ими воспользоваться. Допустим, будет заява, ты попадешь к новому начальнику УВД, тот выслушает тебя. Дальше что?

– Даст соответствующее указание начальнику районного отдела.

– Правильно. А тот повязан с Сухобоковым. Не пройдет и недели, как тебе организуют подставу и выкинут из органов. Тот же начальник управления и вышибет, когда ему подсунут компромат на тебя. А подставить участкового проще простого.

Борисов взглянул на Галдина и спросил:

– Как?

– Не догоняешь? Ну, скажем, будешь сидеть ты в опорном пункте и ждать вызова по связи от начальника райотдела, о чем тебя предупредят заранее. А тут девица в разорванном платье, в синяках, в крови. Дескать, меня изнасиловали. Ты начинаешь ее успокаивать, пытаешься помочь. А в пункт вваливаются подчиненные начальника райотдела. Ты докладываешь, что девушка изнасилованная прибежала. Она же бросается на тебя, рвет китель, рубашку, обдирает лицо и кричит, мол, сволочь, ты же меня и изнасиловал. Мне продолжать?

Борисов отвел глаза в сторону и сказал:

– Не надо.

– Может такое быть?

– Может.

– Еще с десятков вариантов я тебе могу прямо сейчас расписать. Сажать, конечно, тебя не станут, думаю, и до суда дело доводить тоже, чтобы не развалилось оно там. Предложат мирно решить вопрос. Потребует девица бабок, ты заплатишь, она заберет свою заяву. Но из органов тебя уволят, это и к бабке не ходи. А потом еще и Сухобоков на тебе отыграется. Очень не любит этот крендель, когда кто-то дорожку ему пытается перейти. Да что там дорожку, просто косо посмотреть. Он же здесь хозяин! Так что, Миша, по закону у нас с тобой не получится.

– Ты предлагаешь действовать их же преступными методами? – спросил участковый.

– А вот это обсудим. Может, и не совсем преступными. Мы же не беспредельщики.

– Да, мы борцы за справедливость.

– Верно, Миша. А разве не для этого ты государством поставлен на должность участкового? Не ради того чтобы на твоей земле все было по закону и справедливости, а не по прихоти разного рода подонков?

– Вот только политинформацию читать мне не надо.

– Политинформацию?.. – повторил Галдин. – погоди, лейтенант.

– Что?

– Подожди.

Пауза затянулась на несколько секунд.

После чего Вадим взглянул на Борисова и спросил:

– А знаешь, Миша, что нам надо сделать? Вернее тебе, дабы начать следствие?

– Что?

– Войти в круг доверенных лиц Сухобокова.

– Как это? Мне в поместье хода нет.

– Есть. Только зайти надо издалека.

– Ты можешь объясняться понятней?

– Гвоздь на селе живет?

– Да, через два дома, не считая магазина.

– Отлично. Он как службу несет, не знаешь?

– Днем постоянно в поместье. Приходит часов в восемь, уходит в шесть, а то и в семь. Если гости навещаются, то и до утра может остаться. Потом до обеда отдыхает.

– А ты неплохо осведомлен.

– Присматриваюсь.

– Это хорошо. Ты посмотри завтра за Гвоздем. Как тот направится домой, купи в магазине коньяку или водки, смотря что потребляет эта сволочь, и зайди к нему в гости.

- В гости?..
- Именно.
- Так он меня и пустил.
- А ты ему с ходу, извиняй, мол... как его по имени-отчеству?
- Николай Николаевич.
- Извиняй, мол, Николай Николаевич, разговор есть. Покажи ему пойло.
- Дальше что?

– А дальше, как сядете за стол, скажи, научи, мол, жизни, Николай Николаевич, а то что-то служба не идет. Вроде работаю как надо, а имею одни неприятности. Уверен, Гвоздю это польстит. А ты дави, дурак, дескать, был, зря против Сухобокова пошел из-за какого-то инвалида. Спроси, как исправить ситуацию.

Борисов прострелил Галдина острым взглядом.

- Ты что, старлей? Предлагаешь продаться? А сам говорил...

Вадим прервал собеседника:

- То, что я говорю, все в силе. И пойдешь ты не продаваться.
- А за чем же? Иначе этот визит назвать невозможно.
- Ты же в десантуре служил?
- Да.
- Тогда знаешь, что такое отвлекающий маневр.
- Отвлекающий маневр?
- Именно. Нам не подобраться к поместью Сухобокова ни с тыла, ни с флангов, так?
- Сложно!

– Значит, надо что? Войти туда открыто, через парадный вход. Конечно, Гвоздь поначалу проверит тебя. Хотя, может, и не станет. Не такой уж он военный стратег, обычная поганка. Но Сухобокову о тебе расскажет. Мол, поумнел участковый, приходил, каялся, что не так вел себя. Хотел бы исправиться. Что толку оборванцев защищать, когда есть возможность послужить человеку достойному. Что-то в этом роде. Главное сыграть так, чтобы тебе поверили. Тогда ты получишь доступ в поместье. Пусть не в сам дом, но уж это будет успехом. Скореейшись с Гвоздем, как бы это ни было противно. Глядишь, в команду возьмут.

Борисов хмыкнул и заявил:

- А ведь ты прав. Таким вот образом можно попасть в их банду.
- А я о чем?
- Поверит ли мне Гвоздь?
- Сыграешь как надо, поверит.
- Ладно, согласен. Но ты должен знать, что я это сделаю лишь ради того, чтобы наказать бандитов.

- Я знаю. Значит, работаем?
- Связь держать будем?
- Конечно, по необходимости. Дай свой номер.

Участковый назвал цифры. Галдин ввел их в свой телефон, затем что-то там нажал. Теперь на экране высвечивалось лишь слово «Неизвестно».

- Как это ты сделал? – удивился лейтенант.

Галдин улыбнулся.

- У меня особый телефон.
- А на моем так можно сделать?
- Нет.

– Как сделать, чтобы бандиты случайно или специально не узнали, что мы с тобой общаемся?

– Просто. В памяти номер виден. Но если нажать на него, то сигнал не пройдет. Тебе каждый раз придется набирать цифры и после них ставить звездочку. Только тогда я отвечу. Так что бандюки при всем желании на меня не выйдут, если завладеют твоим телефоном.

– А если они попытаются пробить через оператора, а там блокада?

– Запомни, это номер твоей давней приятельницы. Ты с ней еще в армии познакомился. Иногда перезванивались, но последнее время она почему-то не отвечает. Что с ее телефоном, ты не знаешь. Может, она замуж вышла? А номер не убираешь, так как надеешься, что все же позвонит. А если кто-то поинтересуется, на хрена он тебе, то скажи, что у нее папаша с крутым баблом. Это как раз в стиле бандюков. Этому поверят.

– Хорошо, все понял.

– Ну и отлично.

– На сегодня все?

– По делу да.

– Выпьем?

– Я же за рулем.

– Кто тебя сейчас поймают? Да и по рюмашке за знакомство.

– Ты мне скажи, у вас магазин во сколько закрывается?

– В восемь.

– Это значит, еще работает?

– А ты что-то хотел?

– Славик просил водки купить. Но с тобой.

– А чего со мной-то?

– Он говорил, что паленой водкой тут торгуют. Тебе же, представителю власти, не рискнут лабуду продать.

Борисов рассмеялся и заявил:

– Это точно. Вот один из немногих плюсов моей работы здесь.

– Так купим?

– Он в запое?

– Похоже. Но отойдет. Я займусь этим.

– Ладно, только нам с тобой в магазине светиться не следует. Я сам схожу.

Галдин передал ему деньги. Участковый сходил в магазин, купил две бутылки, выставил их на стол, на него же выложил сдачу.

– Гвоздь из своего двора выходил, – заявил он. – Мог и за огород выбраться, увидеть твою тачку. Ты ж ее оставил на задах.

– Ну и что? Мало ли кому Славик мог дать машину.

– Ты недооцениваешь Гвоздя.

– А ты не обращай внимания на всякую ерунду. Стояла «Нива» на задах, ну и что? Откуда ты знаешь, кто и к кому на ней приезжал?

– Ладно. Я проведу тебя через сад и огород.

– Покажи, как пройти, я сам дойду.

– Не засветись перед Гвоздем.

– Не волнуйся. У меня в машине собака служебная. Если кто-то чужой поблизости крутиться будет, она почует, даст сигнал. У нас это отработано.

– Тогда до связи, старлей.

– До связи, лейтенант.

– Ух, мне даже как-то легче стало.

– Настоящая работа подвалила, вот ты и повеселел.

Глава 3

Четверг, 13 октября, в деревне прошел спокойно. Мария Алексеевна принесла еду уже на двоих. Вадим занимался хозяйством. Он скосил бурьян в палисаднике и вокруг дома, сгреб его и сжег в старой бочке. Потом Галдин исправил до конца забор да покрасил его в живой зеленый цвет, и двор преобразился.

Дуневи́ч большую часть времени проводил на улице. Теперь было кому выкатить его из дома. Он пил, но уже меньше, настроение стало лучше, агрессии поубавилось.

Галдин успел исправить и телевизор. Поломка была мелкая, плато вышло из паза. Он вставил его обратно, и волшебный ящик заработал.

Галдин принял душ и завез Дуневи́ча в дом. Там друзья поужинали.

Потом Вячеслав спросил:

– Что дальше, Вадим? Ты не рассказал, как съездил к участковому.

– Да? – Старший лейтенант изобразил удивление. – Значит, дела закружили, вот и запамтовал. А съездил хорошо. Лейтенант Борисов свой человек. Пытался помочь Елене, да не дали ему. Начальник райотдела, наверное, тоже в корешах у Сухобокова.

– Это давно известно. Но он мелочь.

– Мелочь или нет, а не дал Борисову возбудить дело против Сухобокова. Хотя в этом больше твоя заслуга.

– Ты насчет заявы?

– Да.

Дуневи́ч отодвинул тарелку, подтянул пепельницу, прикурил сигарету.

– Толку от нее?

– По-моему, я это уже слышал.

– Ты зачем опять ту же песню заводишь? Я уже пытался добиться справедливости и писал бумаги. А что в результате?

Галдин пододвинулся поближе к другу и проговорил:

– Ты пойми, Славик, без заявления вообще ничего нельзя предпринять. Я имею в виду участкового и вообще правоохранительные органы. Конечно, мы обойдемся и без этой бумаги, но...

Дуневи́ч прервал Галдина:

– Ты сказал «мы». Это что, Борисов, получается, на нашей стороне?

– Да, но не удивляйся, если услышишь о нем много неприятного, в том числе и того, что вроде как опровергает мои утверждения.

– Понятней выразаться можешь?

Галдин кивнул и сказал:

– Могу. Ты можешь узнать, что Борисов попал в услужение к Сухобокову.

– Веселое дельце. И это значит, что он с нами?

– Он с нами. К Сухобокову, к его поместью без этого не подобраться.

– Ты хочешь проникнуть в поместье?

– Мне придется это сделать, Славик. Иначе Елену не освободить.

– Ты понимаешь, что задумал?

– Понимаю. Ты давай бросай бухать и напиши заявление. Это просьба Борисова, а он знает, что делает. Подробно опиши беспредел Сухобокова, упомяни обо всем, что он и его подельники сделали с твоей семьей.

– Грохнут нас, Вадим. Меня ладно, я и так не живу, а существую, но тебе-то на хрена погибать?

Галдин улыбнулся и ответил:

– Знал бы ты, Славик, сколько раз я мог погибнуть. Но, как видишь, до сих пор жив. А все те негодяи, которые противостояли нам и хотели нас уничтожить, горят в аду. Так что прорвемся, друг.

– Ты всегда был авантюристом. В училище, в нашей роте никто больше тебя не отправлялся в самоходы, хотя увольнения ты получал часто.

– Увольнения – скукота. А вот самоход, это уже игра.

– Ты игрок?

– В какой-то мере да. Но все. Ты давай-ка обмозгуй мое предложение. Надумаешь, пиши заяву. Ручка и бумага, я надеюсь, в этом доме есть.

– Есть. А ты?..

– А мне, Славик, надо в Переславль мотнуться.

– Зачем, если не секрет?

– Меньше знаешь, крепче спишь, Славик. Не забивай голову. Секретов у меня от тебя нет, но я и сам толком пока не знаю, что буду делать в Переславле. Скорее всего, вернусь утром. Тогда все тебе расскажу. Договорились?

– Дело твое, ты свободный человек... и здоровый.

– Не зацкливайся на травме. Говорил же, решим вопрос с Сухобоковым, освободим Лену и займемся твоим лечением.

– Без толку.

– У тебя все без толку. Но я понимаю. Тем радостней будет, если нашим эскулапам удастся поставить тебя на ноги. – Галдин встал, собрал со стола посуду, вынес в сени, там помыл, вернулся, расставил по полкам.

Потом он открыл окно, вытряхнул скатерть, постелил ее обратно, включил телевизор, положил перед другом пульт и заявил:

– Смотри свой ящик. С твоей антенной можно найти не более десяти каналов, но больше и не надо.

– Как тебе удалось его исправить?

– Ловкость рук, Славик. Завтра посмотрю холодильник.

– Мастеровитый ты парень.

– Заодно и авантюрист? – с усмешкой спросил Галдин.

– Такое часто бывает, – проговорил Дуневич и включил какой-то канал, на котором как раз начинался новый сериал.

Галдин переоделся, пистолет брать с собой не стал, решил, что пока ни к чему, взял пачку стодолларовых купюр и пятьдесят тысяч в рублях. Тратить все эти деньги он, естественно, не собирался. Они были нужны для других целей.

Вадим посмотрел на себя в зеркало. Джинсы, джемпер, кожаная куртка, модные туфли, на безымянном пальце левой руки золотая печатка с дорогим камнем, цепочка на шее. Вполне приличный вид. Документы он сложил в борсетку, деньги рассовал по карманам.

– Ладно. – Галдин повернулся к Дуневичу. – Поехал я.

– Погоди, – проговорил Славик. – Все у тебя хорошо, но одного не хватает.

– Чего?

– Дорогого парфюма.

– Чего нет, того нет.

– Мне лет пять назад французские мужские духи подарили. Елена с подругами. А зачем? В тумбочке, в моей комнате они, возьми, пользуйся.

Галдин поднял палец.

– Очень хорошая мысль. Спасибо, Славик.

Он брызнул на себя дорогим французским парфюмом, пожелал другу спокойной ночи, приказал Султану охранять дом и вышел во двор. Галдин вывел оттуда свою машину и двинулся в объезд деревни и поместья.

В 20.15 он въехал в Переславль и включил навигатор, встроенный в панель. Возможности этого прибора были значительно расширены спецами, служившими в МЧС.

– Так, – проговорил Галдин. – Отель «Алые зори». Забываем. Ждем. Ага, вот ты где.

Отель оказался в центре города. Иначе и быть не могло. Навигатор уже проложил маршрут до улицы Ленина. Галдин нисколько не сомневался в том, что этот аппарат, в отличие от многих, продающихся на рынках, выведет его к цели по самой удобной и короткой дороге. Он даже подскажет, где оставить машину, определит наличие в конечном пункте усиленной системы контроля.

Переславль – город, конечно, не самый малый, население тысяч семьсот, но не Москва. Загруженность дорог здесь далеко не та, как в столице, может быть, из-за их мерзкого качества. Так что к въезду в обширный двор, точнее сказать, к закрытой арке, стоявшей на улице Ленина, Вадим доехал за двадцать минут. Прибор привел его к месту, где не было знаков, запрещающих остановку и стоянку. Он показывал, что внутри двора расположено множество камер видеонаблюдения.

«Теперь я обычный гуляка, имеющий бабки и желающий потратить их на собственное удовольствие, – подумал Вадим. – У таких персон нет ни ума, ни воображения. Как говорится, работает не голова, а головка. Значит, надо вести себя соответствующим образом.

Я, конечно же, из столицы. У меня жутко привередливая жена, естественно, старше по годам, зато с собственным делом, квартирой в Староконюшенном переулке и домом в Подмосковье. Вот мне и приходится якобы мотаться по командировкам, чтобы хоть иногда расслабиться. Именно здесь я и собираюсь заняться этим вот благородным спортом».

Галдин закрыл машину, прикурил сигарету и расслабленной походкой двинулся к арке. Ворота под ней были заперты, открыта калитка. Около нее стоял молодой охранник, с виду крепкий, накачанный. В глубине двора виднелась стоянка, на которой отдыхали дорогие авто. Немного, штук десять.

– Добрый вечер, – поприветствовал Галдин охранника.

– Привет, – ответил тот.

– Насколько понимаю, здесь и находится отель «Алые зори»?

– Правильно понимаешь.

– Вы очень любезны, уважаемый.

– На всех у меня любезности не хватает. Чего надо?

Этот хлыщ, весьма похожий на альфонса, ему явно не понравился.

– Как это чего? Здесь отель. Я приехал из Москвы, мне надо поужинать, отдохнуть хорошенько. Так что, по-моему, все понятно.

– Где тачка твоя?

– Я приехал на такси.

– Из Москвы?

– Да.

– Сожительница денег подкинула?

Галдин рассмеялся. Точно, охранник принял его за альфонса.

– Какой же ты догадливый. Так я пройду?

– Проходи, здесь не закрытый клуб.

– Спасибо.

– Не за что.

Галдин пошел к наружному входу. По пути он слышал, как охранник что-то говорил в микрофон портативной рации. Не исключено, что его это нисколько не касалось. Или же охрана должна была предупреждать администратора заведения о появлении новых клиентов.

Холл отеля встретил Галдина роскошью. На полу мраморная плитка, на стенах дорогие гобелены. Кругом кожаные кресла, диваны. Слева двустворчатая дверь, из-за которой доносилась музыка. Там располагался ресторан. Напротив туалетные комнаты и помещение для курения. Перед коридором у стойки приема гостей стальные лифты. Молодой паренек, в ожидании команды в углу у большой пальмы.

– Добрый вечер, – с улыбкой проговорила девушка в форменной одежде, сидевшая за массивной стойкой. – Желаете снять номер?

«Ксения Гутова», – прочитал Галдин на ее визитке.

– Добрый, Ксюша. Извините за фамильярность.

– Ничего.

– Да, я хотел бы снять номер, двухкомнатный люкс, этаже на втором-третьем, с видом во двор, чтобы шум машин не мешал.

– У нас окна хорошие, ничего не слышно.

– Все же если есть такой номер...

– Есть. Двухкомнатный люкс, второй этаж, номер двести семнадцать. У вас нет вещей?

– Нет. Все мое при мне, – сказал Галдин и улыбнулся.

– На какое время желаете снять номер?

– На сутки. К сожалению, завтра я уже должен буду покинуть ваш прекрасный город. Дела, понимаете ли.

– Понимаю. Двенадцать тысяч рублей.

«Неплохо, – подумал Вадим. – Для провинциального города цена более чем крутая».

– Хорошо, – сказал он.

– Пожалуйста, документы.

– Паспорта будет достаточно?

– Большого и не требуется.

Галдин положил на стойку паспорт.

Девушка быстро заполнила журнал и проговорила:

– Двенадцать тысяч рублей.

– Платить вам?

– Если у вас карточка, то через терминал.

– У меня наличные.

– Тогда мне. Я выдам квитанцию.

– Прекрасно. – Галдин отдал деньги.

Девушка тут же положила на стойку его паспорт, квитанцию и ключи от номера.

– Приятного времяпровождения.

Она так и сказала, не «отдыха», а «времяпровождения». Галдину нетрудно было догадаться, что девушка имела в виду. За время оформления из ресторана в туалет прошли несколько молодых красоток, вид которых не оставлял никаких сомнений в роде их занятий.

«Что ж, это даже очень хорошо», – подумал Вадим.

– Спасибо. А ресторан до которого часа работает?

– До двадцати трех. Если вы пожелаете выпить и закусить в номере, то оформите заказ у официанта, и его доставят к вам в любое время.

– Даже так? Сервис, я смотрю, у вас отменный.

Девушка кивнула на парнишку.

– Молодой человек проводит вас до номера.

– Зачем? Я и сам дойду и сразу же спущусь в ресторан. Надеюсь, у вас там мухи от скуки недохнут?

– Нет. У нас очень весело.

– Просто прекрасно. – Галдин забрал со стойки документы, квитанцию, ключи.

Он не стал пользоваться лифтом, где наверняка были поставлены видеокамеры, а поднялся по лестнице.

Его номер находился в левом крыле, предпоследний справа. Всего их тут было восемь.

Вадим открыл дверь и бегло осмотрел замки.

«Один самый обычный. Такие открываются отмычкой, сделанной из гвоздя. Другой – электронный. Он почему-то не работает. Не включен? Надо выяснить. Хотя какая разница, обычный замок или электронный? Ключи от всех номеров имеются у сотрудников отеля. Так что дверь они откроют, если захотят», – рассудил старший лейтенант.

Номер ему понравился. Справа гардероб, слева ванная комната с душевой кабиной. Джакузи здесь не было. Наверное, господин Сухобоков решил не тратить на них. Отдельный туалет с биде.

В гостиной на окнах висели толстые портьеры. Диван в центре, по углам кресла. На стенах дорогие обои, напротив дивана новый телевизор, рядом музыкальный центр, столик. В углу двухкамерный холодильник, который неплохо вписывался в интерьер. Круглый ковер на паркетном полу.

Слева спальня. Там широкая кровать. Балкон и окна выходили на парк, как Галдин и просил. Здесь тоже плазма на стене, шкаф-купе с зеркальными дверцами, две тумбочки, еще пара кресел, столик-каталка. Коврики. Кроме люстры ночники, как и в гостиной.

Покрывало на кровати нежно-голубого цвета. Галдин не любил его, но смирился с такой мелочью.

Он отодвинул покрывало. Простыни безупречные, чистые, одеяло теплое, подушки удобные, большие. Цвет белья темно-синий.

«Лучше бы покрывало было такое», – подумал Галдин.

Он осматривал номер, цепким взглядом пытался засечь видеокамеры. Если они здесь и имелись, то установлены были скрытно, без сканера, о котором Вадим вспомнил только сейчас, не найдешь. Как и жучки. Времена, когда к обратной стороне крышки стола прикреплялся прибор размером с игровую шашку да еще и с проводом-антенной, давно прошли.

Теперь в ходу другая аппаратура. Лежит где-нибудь на ковре волосок, и контролер снимает с него нужную информацию. Прогресс шагнул далеко вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.